

Булавин М.В.
(Н. Тагил)

**Численность и состав православных прихожан
г. Нижнего Тагила в 1920-е гг.**

Практически все современные исследования по советскому периоду истории Русской православной церкви и многие работы, посвященные эволюции культуры советского общества и отдельных его слоев содержат ретроспективные оценки уровня религиозности населения. Это закономерное и, безусловно, позитивное явление – отсутствие подобной информации существенно сузило бы границы нашего исторического кругозора. В то же время, такого рода оценки подразумевают, как правило, использование дихотомии «верующие-неверующие», что само по себе не делает их неправильными, но придает им чрезмерно обобщенный, рамочный характер. А это серьезно обедняет картину прошлого, лишает ее ряда важных нюансов.

Отечественная социология религии, едва зародившись, быстро осознала важность более пристального взгляда на массу верующих. Так, уже в 1960-70-е гг. советские социологи, не без использования зарубежного опыта, создали достаточно сложную типологию религиозности (1). Однако попытки непосредственного использования опыта социологии в историческом исследовании наталкиваются на целый ряд проблем источниковедческого характера.

Прежде всего следует отметить то обстоятельство, что учет численности любой категории верующих никогда не являлся для советских властей самостоятельной задачей. Фиксация религиозной активности населения всегда играла подчиненную роль по отношению к нуждам контроля за деятельностью религиозных организаций, которые, в зависимости от периода, могли изменяться в пределах достаточно широкого диапазона.

Эта особенность, в частности, препятствует созданию однородного документального ряда, который позволил бы для всего советского периода определить степень воцерковленности граждан с использованием единых критериев. В таких условиях мы не имеем возможности без очень существенных оговорок осуществлять сопоставление численности типологических групп верующих для разных этапов истории. Само их выделение подчас крайне затруднено вследствие плохой сохранности или даже отсутствия источников. Увы, историку часто остается только завидовать социологу, предмет научного интереса которого доступен непосредственному наблюдению исследователя.

Тем не менее, определение численности ряда категорий верующих, на наш взгляд, возможно, пусть и не с той степенью точности, которая характерна для социологии. Особенно благоприятные возможности для этого предос-

тавляет период 1920-х гг., когда религиозные организации составляли списки своих членов. Некоторые современные авторы считают этот источник информации наиболее надежным и сетуют на отсутствие такового на постсоветском этапе истории РПЦ (2).

Совершенно очевидно, что списки членов общины не охватывали всего массива религиозного населения. Но они включали в себя наиболее активную его часть, которая на языке отечественного религиоведения может быть определена как «убежденные верующие». Этому слою равно свойственны высокая степень сформированности религиозных убеждений, которая в области социального поведения предстает как позиционирование себя в качестве приверженца конкретного религиозного культа, и повышенная по сравнению с основной массой богослужебная активность – частое, насколько это возможно по обстоятельствам жизни данного человека, посещение храма (3).

Мы попытались определить численность и состав этой группы применительно к городу Нижнему Тагилу. В Нижнем Тагиле вплоть до конца 1920-х гг. действовало 7 православных храмов (из них 2 единоверческих). В фондах Исторического архива г. Нижнего Тагила отложились списки общин четырех из них, причем лишь в трех случаях документы составлены строго по форме, разработанной в 1923 г. НКВД СССР. Информация по другим храмам также имеет в основе списки верующих, но доступна уже из вторых рук – она содержится в документах, образованных органами власти и управления, и касается только числа прихожан. Тем не менее, объем и характер информации, содержащейся в письменных источниках, по нашему мнению, вполне достаточны для создания вполне отчетливого представления о численности и составе этой группы населения.

Списки прихожан нельзя рассматривать как безусловно достоверный источник, вне зависимости от времени и обстоятельств их создания. Так, например, численность членов общины, согласно ним, в некоторых случаях серьезно возрастает ближе к концу 1920-х гг. Приход Иоанно-Предтеченского храма в 1923 г. состоял из 74 человек, в 1926 г. – из 106, и в 1928 г. – из 243 (4). Община Входа-Иерусалимского собора увеличилась с 61 прихожанина в 1923 г. до 663 в 1929 г. (5) На первый взгляд, имеет место тенденция к увеличению количества православных прихожан, однако такой вывод был бы преждевременным. Необходимо учесть, что на протяжении почти всего третьего десятилетия XX в. наличие в документах прихода той или иной цифры, обозначающей число верующих, не влекло за собой никаких юридических последствий, касающихся деятельности церкви. Для функционирования религиозной группы было достаточно 20-ти человек, а религиозного общества – 50-ти. Цифры, предоставляемые приходскими советами органам местной власти, в любом случае перекрывали эти требования. Поэтому можно было не беспокоиться о небольшом числе верующих

и не утруждать себя трудоемкой процедурой определения его точной величины. Во всяком случае, именно этими соображениями совет Выйско-Никольской церкви в 1929 г. объяснял прежние довольно скромные данные (6).

В конце 1920-х гг. в повестку дня антирелигиозной работы встал вопрос о закрытии церквей. Известно, что власти пытались представить его как общественную инициативу или, по крайней мере, стремились добиться общественной поддержки для своих начинаний. Поэтому обычным делом стали проведение собраний граждан, выносивших резолюции о закрытии храмов, сбор подписей в пользу ликвидации церквей. Создавалось впечатление о действительно массовых требованиях сотен и тысяч трудящихся. В таких условиях православные активисты становились заинтересованными в информировании властей и общественности о максимально высоком числе прихожан. Поэтому сведения, относящиеся к 1928-29 гг. – это тот «потолок», которого были способны достичь церковные общины в конкретной исторической обстановке.

Соблазнительной выглядит возможность простого сложения числа членов всех православных общин в Нижнем Тагиле на конец 1920-х гг. и последующего соотнесения результатов с численностью населения. В результате мы получаем цифру в 2528 человек, что составляло около 9 % от общего количества совершеннолетних горожан (7). Сама по себе, это очень небольшая величина, хотя мы должны учесть, что она включает в себя лишь наиболее сознательных верующих, то есть православных прихожан в точном смысле слова. Тем не менее, и она представляется нам завышенной, поскольку мы механически суммировали количество членов общин по отдельным спискам. На самом же деле, очень важно знать, как руководство прихода получало итоговую цифру.

Местные исполкомы требовали от общин организации переписи прихожан в храме на основании личного заявления – порядок, который является вполне корректным с точки зрения современных подходов. Опираясь на сохранившиеся материалы, нам удалось выявить только одну городскую церковь (Выйско-Никольскую), которая вполне его придерживалась. Переписчики других общин обходили прихрамовую территорию и вели запись прихожан по домам. Использовалась и комбинированная методика, основанная на сочетании переписи по месту жительства и записи в храме. При этом списки членов общины пополнялись за счет лиц, фактически давно отошедших от церкви. В лучшем случае, вступал в действие конформизм по отношению к членам семьи (в 1920-х гг. бывший весьма сильным), в худшем же случае один человек включал в список всех домочадцев.

Таким образом, в стремлении упрочить свои позиции перед лицом начинающегося наступления на церковь, руководство приходов явно «перегнуло палку». Если в середине 1920-х гг. властям сообщались преуменьшен-

ные цифры – просто потому что ситуация требовала самого наличия документа в деле общины, а не его достоверности, то к концу десятилетия приходские советы не только полностью выбрали весь наличный контингент прихожан, но и совершенно искусственно увеличили его за счет сторонних лиц.

В результате, например, возрастной состав членов общины может разительно отличаться от храма к храму. В Никольской церкви в конце 1929 г. средний возраст прихожан равнялся 55 годам, а доля среди них лиц моложе 30 лет составляла 7%; во Входа-Иерусалимском соборе аналогичные цифры равны 39 годам и 33,5 %. Ясно, что в таких условиях простое сложение цифр ничего не дает, и вместо реальной величины мы получаем лишь возможный верхний ее предел, заведомо не соответствующий действительности.

Интересно, что в том случае, когда приход строго придерживался принципа записи в церкви на основании личного заявления, при всем желании его руководству не удавалось сколько-нибудь существенно повлиять на увеличение заявленной численности общины. Так, столкнувшись в 1929 г. с угрозой отобрания храма, приходской совет Выйско-Никольской церкви в переписке с властями утверждал наличие в составе прихода нескольких тысяч человек. Однако, когда в конце года пришел срок сдачи списка прихожан, в нем оказалось только 216 имен. И это в тех условиях, когда риск потери храма был очень велик, и когда около десяти тысяч тагильчан поставили свои подписи под обращением к властям об отводе здания церкви под школу (8).

Недостоверность значительной части предоставлявшейся приходскими советами информации очевидна не только для нас – она бросалась в глаза и работникам властных структур, осуществлявшим контроль над соблюдением законодательства о культах. В декабре 1929 г. административный отдел Уральского облисполкома в особом циркуляре указывал: «Мы часто, особенно при закрытии церквей, имеем дело с вербовкой трудящихся в число "верующих", путем занесения их в списки религиозного общества не только без их согласия, но даже без их ведома» (9).

Впрочем, власти, со своей стороны, не проявляли особого рвения в попытках принудить приходское руководство к даче более объективных сведений. В тех условиях, которые были характерны для конца 1920-х – начала 1930-х гг., при отобрании храма у верующих лишние несколько сотен голосов религиозно настроенных граждан ничего не значили. А с 1930-31 гг. исчезли и сами списки верующих как особый источник информации о приходской жизни.

Исходя из сказанного, методологически правильным было бы, на наш взгляд, предполагать истинность результатов, полученных в результате записи лиц, непосредственно явившихся в храм. Там же, где имел место по-

адресный обход, а итоговые цифры явно не соответствуют общей картине религиозной жизни и реальному весу прихода в жизни города, целесообразно проводить перерасчет результатов. При этом можно исходить из предположения о примерном соответствии действительному количеству пожилых прихожан, а общую численность членов общины устанавливать, определяя соотношение возрастных категорий верующих по материалам приходов, осуществлявших перепись корректно.

Наши расчеты и оценки показывают, что в этом случае произойдет существенное, не менее, чем в полтора раза, сокращение доли православных прихожан в населении города. Таким образом, для Нижнего Тагила на 1928-1929 гг. можно считать достаточно обоснованной цифру в 1600-2000 человек в реальном составе православных приходов, что составляло 5,6-7 % от численности совершеннолетнего населения. На каждого прихожанина приходилось несколько «захожан» – религиозно настроенных граждан с низкой степенью воцерковленности, сохранивших потребность в периодическом обращении к православным обрядам.

Какие черты были присущи типичному православному прихожанину в Нижнем Тагиле 1920-х гг., что выделяло его на общем фоне? Масса горожан в целом была существенно моложе активных посетителей церкви. 43 % тагильчан, по данным переписи 1926 г., было моложе 30 лет (10). Молодых же прихожан насчитывалось от 7 до 33,5% по разным храмам, причем, как мы видели, достоверны меньшие цифры, полученные в ходе храмовой переписи. В то же время до 70% членов православных общин (данные Выйско-Никольской церкви), находилось в возрасте старше 49 лет. Аналогичная возрастная группа среди тагильчан в целом занимала лишь 21%.

Заметно преобладание в среде прихожан женщин. Близкой к средней по городу (55,4%) была их доля только в общине Входа-Иерусалимского собора, но поадресный порядок сбора информации о верующих этой церкви заставляет серьезно усомниться в ее истинности. Приход Иоанно-Предтеченской церкви в 1928 г. насчитывал в своем составе 68% женщин, а Выйско-Никольской в 1929 г. – 77%. Эти данные вполне сопоставимы с теми, которые были получены советскими социологами уже в 1960-е гг. (11)

Наконец, можно констатировать относительно низкую вовлеченность православных активистов в сферу производства. Здесь расхождений между данными по отдельным храмам практически нет – свыше 20 % мужчин и 92-94 % женщин среди прихожан нигде не работали и являлись иждивенцами. Это значительно выше, чем в среднем по совершеннолетним лицам из среды рабочих (3,3 и 71,9 %) и служащих (4,9 и 56,6 %) по Уральской области в 1926 г. Данная особенность не может быть объяснена даже тем сообщением, что большинство прихожан были пожилыми людьми, так как для основной массы граждан в возрастной группе от 50 лет и старше количество

иждивенцев не превышало 14,2 и 84,2 % в рабочей среде и 13,5 и 82,2 % среди служащих.

Следует признать, что православным прихожанам г. Нижнего Тагила уже в 1920-е гг. были свойственны все те особенности, которые советская социология спустя десятилетия считала отличительными признаками верующих в СССР (12). В свою очередь, это приводит нас к той мысли, что грандиозные изменения в сфере массовой религиозности небывалыми темпами шли еще до начала великого сталинского наступления на религию 1930-х гг.

1. См.: Дулуман Е.К. Современный верующий. М., 1970; Конкретные исследования современных религиозных верований (Методика, организация, результаты). М., 1967; Яблоков И.Н. Социология религии. М., 1979.
2. Сколько верующих в России? // <http://religion.sova-center.ru/>
3. Веремчук В.И. Социология религии. М., 2004. С. 199.
4. Исторический архив г. Нижнего Тагила (ИАНТ). Ф. 70. Оп. 2. Д. 9. Л. 93-100, 170-174.
5. ИАНТ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 75. Л. 6 об.-9; Д. 80. Л. 231-243.
6. ИАНТ. Ф. 70. Оп.2. Д. 135. Л. 542.
7. Здесь и далее численность и состав прихожан рассчитаны по: ИАНТ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 135. Л. 196 об.; Д. 9. Л. 170-174; Ф. 211. Оп. 1. Д. 80 Л. 231-243; Д. 176 б. Л. 16-31.
8. ИАНТ. Ф. 70. Оп.2. Д. 135. Л. 542.
9. Ф. 70. Оп. 2. Д. 30. Л. 121 об.
10. Здесь и далее данные по составу населения г. Нижнего Тагила и Уральской области рассчитаны по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отдел I. Народность. Язык. Возраст. Грамотность. Отдельный оттиск табличной части. Т. IV. М., 1928. С. 286; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отдел II. занятия. Отдельный оттиск табличной части. Т. XXI. М., 1929. С. 122-123, 420-421.
11. Дулуман Е.К. Указ. соч. С.37.
12. Флетчер У. Советские верующие // СОЦИС. 1987. № 4. С. 29.

Воробьев С.В.
(Екатеринбург)

Социальная структура РКП(б): теоретические взгляды и реальная практика начала 1920-х гг. (на примере Екатеринбургской губернии)

На динамику социального состава РКП(б) в дореволюционный период и в первые послереволюционные годы оказывали влияние различные факто-